

и попытаемся сделать в будущем.

Примечания

¹ Подробнее см. нашу работу: Циклизация в русском роке // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 3. Тверь, 2000. С.99–122.

² Яницкий Л.С. Стихотворный цикл: динамика художественной формы. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1998.

³ Кушнир А. 100 магнитоальбомов советского рока. М., 1999. С.148.

⁴ Фоменко И.В. Три пушкинских отсылки к сакральным текстам // Литературный текст: проблемы и методы исследования. 6. Тверь, 2000. С.27.

⁵ Интересно, что подобное явление можно было наблюдать и в поэзии «Серебряного века». Так, В. Иванов «мог включать в свои циклы <...> стихи многолетней давности» (Цит. по: Фоменко И.В. О поэтике лирического цикла. Калинин, 1984. С.21).

⁶ Кушнир А. Указ. соч. С.269.

⁷ Там же. С.270.

⁸ Там же. С.105.

⁹ Цит. по: Кушнир А. Указ. соч. С.107.

© М.В. Дудорова
Екатеринбург

КОНЦЕПТ «ПРОСТРАНСТВО» В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ И. АННЕНСКОГО)

Художественный текст как особая система, имеющая свои внутритекстовые связи и законы, отражает особую структуру организации времени и пространства в их нерасторжимом единстве. При этом организация отношений между континуумом (хронотопом) действительности и художественного текста является одним из ключевых пунктов при изучении индивидуально-авторского восприятия, то есть картины мира.

Данное исследование проводилось на материале поэзии И. Анненского. На начальном этапе работы объектом стали две лексемы: *здесь* и *там*, затем к ним прибавились семантически родственные (или, по Ю.Д. Апресяну, семантические производные): *тут*, *туда*, *сюда*, *оттуда*, *отсюда*, также задающие пространственную ориентацию. Предметом исследования стали семные модификации местоименных наречий в контексте.

До текстового анализа был проведен анализ словарных статей, который позволил сделать следующие выводы:

– местоименные наречия не имеют четкого денотата, о чем свидетельствует преобладание в словарных дефинициях указательных местоимений (тот, этот) и почти полное отсутствие слов знаменательных частей речи;

– данные лексемы могут иметь как пространственное, так и временное значение, о чем свидетельствует употребление в словарной дефиниции «в это время» и «потом, затем», носящего характер указания на

время.

Пространство как осмысленная категория Бытия воплотилась в ряде пространственных моделей, характеризующихся своими особенностями в употреблении и «понимании» наречий:

– **реальное** пространство (лирический герой и субъекты действия – реальные лица; окружающие предметы имеют физические характеристики, совпадающие с реальными; оценивается соотносительность говорящего и предметов). Например:

Позади лишь вымершая дача...

Желтая и скользкая... С балкона

Холст повис, ненужный там... но спешно,

Оборвав, сломали георгины.

(«Баллада»)

Солнца в высях нету.

Дымно там и бледно,

А уж близко где-то

Луч горит победный.

(«Дымные тучи»)

Поэт не уходит от реального мира, сохраняя его континуум. При такой модели в местоименных наречиях актуализируется их местоименная семантика, доступная любому уровню восприятия. Так, в первом тексте перед нами предметы действительности: «вымершая дача», «балкон», «холст», «георгины». Наречие в данном случае указывает на «дачу», оставшуюся позади и, следовательно, отдаленную. Похожая ситуация во втором примере, где возникает новое противопоставление там/близко, ощущаемое и выводимое из сущности каждого наречия. Там (отражая смысл «не здесь») закрепляется за понятием «выси», тем самым отдаляя последнее; благодаря противительному союзу а там/близко четко оппозиционны. Это связано и с зоной говорящего, которую в данном контексте репрезентирует *близко*.

– **фантастическое** пространство (лирический герой – реальное лицо, субъекты действия – фантастические персонажи, абстрактные лица, олицетворенные предметы; все физические характеристики изменены и непостоянны; герой свободно перемещается в пространстве; оценивается степень близости говорящего к происходящему, его погруженность в действие). Например:

Оставь меня. Мне ложе стелет Скука.

Зачем мне рай, которым грезят все?

А если грязь и низость – только мука

По где-то там сияющей красе...

(«О нет, не стан...»)

Контекст реализует именно фантастическую модель пространства, в которой локус строго не определен и насыщен недосказанностями или абстрактными понятиями. В этом контексте фантастическое простран-

ство четко не локализуется и не дается его развернутой картины, но явно выражена оценка. Противопоставление «грязи и низости» – «сияющей красе», находящейся в неопределенном, но явно отдаленном месте, говорит о положительной оценке «там».

– **ментальное** пространство (лирический герой – реальный участник действия, субъекты действия погружены в его разум и порождены им; физические характеристики отсутствуют; наречие выполняет функцию указания на ситуацию; объединяя пространственную и временную модель). Например:

Но учтивы столпились в сторонке...

Да не бойся: присядь на кровати...

Только тут не ошибка ль, эстонки?

Есть куда же меня виноватей.

(«Старые эстонки»)

«Тут» реализует значение «в данном случае», теряя при этом оппозиционность, которую имеет его синоним «здесь». Следовательно, перестает передавать пространственную семантику в нашем привычном понимании. Это некое пространство, существующее в нашем сознании, интеллектуальном процессе.

Все эти модели пространства являются частью концептосферы, которую можно выстроить следующим образом:

ядро – реальное пространство;

периферия – ментальное и фантастическое.

Таким образом, в поэзии И. Анненского эксплицитно выразилось романтическое двоемирие, появившееся еще в поэзии В. Жуковского. Но один из членов оппозиции четко разделился, а каждая новая пространственная модель приобрела собственные характеристики.

© Д.В. Жердев
Екатеринбург

«ИГРА С РЕАЛЬНОСТЬЮ» В СКАЗАХ П.П. БАЖОВА

Почти неизменным элементом организации повествования в сказках П.П. Бажова оказывается двойная интерпретация происходящего, возможность прочтения одних и тех же ситуаций, например, как в фантастическом, так и в «реалистическом» ключе. Наблюдается игра присутствия/отсутствия мотива, истинного/ложного прочтения текста, расшифровки предложенных намеков. Сексуальные мотивы и элементы фантастики в сказках Бажова – наиболее заметная сфера реализации подобных построений на сюжетном уровне.

Наличие в отношениях обитателей мира бажовских сказов с Тайной силой сексуальных элементов отмечалось неоднократно. Следует, однако, отметить, что эротика присутствует в текстах сказов не напрямую, а на уровне намеков, вероятностных оценок и объяснений (Данило и Хо-